

© 2010 г. И.Ю. Резцова

КНИГИ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

Анализируется использование книжной продукции в качестве политического инструмента Третьего Рейха. Определяется роль литературных произведений на формирование мышления общества. Также дается характеристика восприятия нацистской литературы немецким населением и месте творчества в политической системе.

Ключевые слова: Геббельс, литература, пропаганда, государственная политика, массовое сознание.

На протяжении многих десятилетий человечество задает себе риторический вопрос: как случилось так, что в стране, давшей миру столько великих философов, гениальных ученых и талантливых инженеров, к власти пришли преступники? Причем во главе государства они стали законным путем, победив на демократических парламентских выборах в 1933 году. Причина политического успеха партии НСДАП в Германии заключалась в эффективном применении элементов пропаганды. Причем один из важнейших элементов были книги. Главным идеологом был Йозеф Геббельс. «Мы живем в эпоху масс, – писал Геббельс лидеру националистического меньшинства в рейхстаге Альбрехту фон Грефе – Однако будущее принадлежит не массам, а тому, кто объединит их, кто их поведет. Новый век принадлежит тому, кто повелевает массами. Массовые движения нашего времени завершатся диктатурой» – предсказал Геббельс еще до захвата власти гитлеровцами [1, с. 251]. Стоит отметить, что Геббельс для такой высокой должности, как министр народного просвещения и пропаганды Германии, был достаточно подготовлен. К моменту расширения власти НСДАП он имел филологическое образование и степень доктора философских наук.

Ранее гимназический преподаватель словесности внушил Геббельсу мысль о том, что он наделен даром слова. Геббельс читал действительно много. Помимо всеобщего увлечения «Заратустры» Ницше, «Заката Европы» Шпенглера,

Геббельс читал русскую литературу, особенно Достоевского. Он узнавал себя в героях романа «Идиот» и казался себе вторым князем Мышкиным. Юный Геббельс пробовал себя в качестве писателя, драматурга и журналиста. Однако во всех сферах потерпел неудачу. Ему также отказали авторитетные еврейские издательства. Успех в его карьере начался после вступления в партию в 1924 г., а затем, в 1925 году – после знакомства с Адольфом Гитлером. Показав себя, как блестящий оратор, Геббельс был назначен руководителем и редактором «Национал-социалистических посланий» – органа антикапиталистического крыла НС-ДАП, концентрировавшегося вокруг Грегора и Отто Штрассеров (братья Штрассеры были во главе партии до освобождения Гитлера из тюрьмы – прим.авт.), которые критиковали центральное руководство Гитлера. Через полгода Геббельс переходит на сторону Гитлера, при поддержке которого делает интенсивную карьеру. В 1926 г. он пишет свой роман «Михаэль» о потерянном поколении и о собственных страданиях, который был опубликован лишь после того, как его автор стал министром пропаганды рейха. Позже Геббельс отомстил всем, кто сомневался в его литературном даре. Он помнил всех редакторов поименно многие годы. Так, редактора одной из берлинских газет, не печатавшего его текстов, в 1940 г. по личному указанию Геббельса нашли в оккупированном Париже, и как еврея отправили в концлагерь Заксенхаузен.

В 1927 г. вышел первый номер основанного Геббельсом пропагандистского издания «Der Angriff» («Атака»). Небольшая газета, похожая на агитпамфлет, выходила дважды в неделю. В ней Геббельс агитировал прежде всего против начальника берлинской полиции еврея Бернхарда Вайса (1880-1951). С тех пор нетерпимое отношение к евреям стало главным делом его жизни. Позже газета стала выходить ежедневно, содержание которой было направлено на работу с массовым сознанием накануне выборов 1931 и 1932 гг. Победа нацистов в выборах дала возможность Геббельсу контролировать все средства массовой информации: он был назначен главой нового «Имперского министерства просвещения и пропаганды». Принципы, сформулированные Геббельсом: простота, размах, концентрация, внедрялись в ежедневную работу министерства пропаганды и просвещения. Правда в ней допускалась ровно настолько, насколько она соответствовала интересам режима. Ложь была гораздо удобнее – она не знала границ и позволяла сотрудникам Геббельса чувствовать себя архитекторами человеческих душ. Одной из первых организованных сверху «спонтанных акций протеста»

было сожжение неугодных новому режиму книг студентами университетов 10 мая 1933 г. На территории почти всех германских университетов были сожжены произведения выдающихся немецких и зарубежных писателей и мыслителей. Огню были преданы произведения Томаса и Генриха Маннов, Лиона Фейхтвангера, Арнольда Цвейга, Эриха Ремарка, Бертольда Брехта, Эмиля Золя, Марселя Пруста, Анри Барбюса, Эптона Синклера, Джека Лондона, Герберта Уэллса, Артура Шницлера, Льва Толстого, Максима Горького, труды Маркса, Эйнштейна, Бора, Фрейда и других. Во время сожжения книг Геббельс выступал со словами, что эти костры не только освещают конец старой эпохи, они также озаряют и новую эпоху [2]. Как филолог, бывший журналист и несостоявшийся писатель Геббельс стремился удовлетворить комплекс неполноценности, проводя многочисленные акции сожжения книг в различных городах страны. Данные мероприятия преследовали также другую цель: в сознании каждого немца должно было сформироваться убеждение, что «антинацистские» издания являются неправильным, недостойным для истинного арийца чтением. Позже в качестве субъектов идеологической цензуры выступало около полусотни партийных и государственных учреждений, список запрещенных и изымаемых из библиотек книг исчислялся десятками тысяч названий. «Пропаганда должна доходить до каждого» – реализуя этот принцип, аппарат Геббельса использовал различные инструменты, в особенности, в сфере печатных коммуникаций. Сюда относились обязательные пропагандистские журналы перед киносеансами, книга «Майн кампф» в качестве обязательного подарка молодоженам [3].

Немецкая литература в период Третьего рейха пострадала в наибольшей степени, нежели другие виды искусства. Германию покинуло, добровольно или принудительно, свыше 250 немецких писателей, поэтов, критиков и литературоведов. Среди них были Томас и Генрих Манны, Эрих Мария Ремарк, Лион Фейхтвангер, Арнольд Цвейг, Эрнст Толлер, Франц Верфель, Якоб Вассерман, Бруно Франк, Стефан Георге, Бертольд Брехт и другие. Творческий уровень большинства оставшихся в Германии писателей был невысок, а те из них, кто обладал талантом, либо отошли от серьезных современных тем, либо вовсе замолчали. Герхарт Гауптман написал автобиографический роман «Приключение моей юности» (1937), драматическую тетралогию на сюжет греческой легенды об Атридах (1941-44) и поэму «Великий сон», где в иносказательной форме выразил неодобрение нацистского режима. Также оставшиеся в Германии Ганс

Фаллада, Келлерман, Рикарда Хух практически перестали участвовать в литературной жизни страны. Некоторых талантливых писателей, как, например, Эрнста Юнгера, нацистским властям все же удалось привлечь на свою сторону. Идеологический контроль за литературным процессом в Третьем рейхе был возложен на восьмое управление министерства народного просвещения и пропаганды (цензура), в рамках которого декретом от 22 сентября 1933 г. была создана Имперская палата культуры, куда входила в качестве подпалаты Имперская палата литературы. К 1939 г. это управление полностью подчинило себе работу 2500 издательств, редакций и типографий и 23 тыс. книжных магазинов. Около 3 тыс. литераторов различного направления были обязаны зарегистрироваться в Имперской палате литературы, которую в 1935 г. возглавил драматург Ханс Йост. На не состоявших в палате литераторов распространялся запрет на профессию. Было учреждено 50 ежегодных национальных премий по литературе. В довоенный период Имперская палата культуры контролировала около 1 млн. книг, находящихся в продаже, и более 20 тыс. ежегодно выпускаемых изданий. Министерство пропаганды установило собственные новые стандарты германской литературы. Специальные инструкции предписывали литераторам работать в четырех жанрах. «Фронтальная проза» (Fronterlebnis) – призванная воспевать фронтовое братство и романтизм военного времени. «Партийная литература» – произведения, отражающие нацистский вельтаншаунг (мировоззрение). «Патриотическая проза» (Heimattroman) – произведения, проникнутые национальным колоритом, с акцентом на германский фольклор, мистическую непостижимость германского духа, национализм и народничество. «Этнологическая (расовая) проза» (Rassenkunde) – возвеличивание нордической расы, ее традиций и вклада в мировую цивилизацию, биологическое превосходство арийцев над остальными «неполноценными» народами. Работавшие в этих жанрах писатели отличались лишь степенью их заурядности или бездарности. Вернер Бумельбург сочинял сентиментальные романы о фронтовом товариществе. Агнес Мегель, романистка и поэтесса, посвятила себя жанру провинциальной «сельской» литературы. Рудольф Биндинг и Беррис фон Мюнхаузен сочиняли эпические поэмы о рыцарстве и мужской добродетели. Среди писателей, поставивших свое творчество на службу нацистскому режиму, было немало одаренных или способных авторов. Популярным литератором был Ханс Гримм, его роман «Народ без пространства» широко использовался нацистской пропагандой и

неоднократно переиздавался. Другой писатель Готфрид Бенн отстаивал эстетическую сторону нацистского нигилизма, увидев при этом в национал-социалистическом движении «поток наследственной жизнеутверждающей энергии». Когда Бенн пересмотрел свое отношение к нацизму, он был исключен из Имперской палаты литературы, а его произведения перестали печатать. Небольшое число составляют писатели и поэты, которые критиковали нацизм. Такие литераторы как Гюнтер Вайзенборн или Альбрехт Хаусхофер (автор «Моабитских сонетов») подвергались преследованиям властей.

Стоит отметить, до прихода к власти нацистов немецкие библиотеки не имели единой системы управления. Они действовали автономно друг от друга. После того, как на выборах победили национал-социалисты, министром науки, искусства и народного образования Бернхардом Рустом был введен «новый порядок» по организации библиотечного дела. В 1938 году вышло специальное постановление, согласно которому библиотечными чиновниками могли быть только члены НСДАП. К 1940 г. 60% общего числа директоров научных библиотек были членами партии. Изменился характер комплектования библиотечных фондов. Была разработана система централизованного комплектования народных библиотек партийно-пропагандистской литературой. Специально созданный Дом закупок в Лейпциге начал выступать как координационный центр по обеспечению народных библиотек новыми изданиями. Особое внимание уделялось созданию системы контроля над содержанием библиотечных фондов и разработке способов «фильтрации», оценки содержания книг по принципу «свои» и «чужие», «полезные» и «вредные». На основе этого принципа в Германии был издан секретный справочник «вредной литературы», в который вошли 5 тыс. авторов. Кроме того, в нем были указаны 379 наименований периодических изданий и 20 издательств. В качестве инструмента оценки и разделения книг на «полезные» и «вредные» активно использовались методы рекомендательной библиографии, в частности составление различных списков литературы. Работе над подготовкой таких оценочных списков литературы серьезное внимание уделяло министерство просвещения и пропаганды. Аппарат Геббельса считал своей прямой обязанностью публиковать рекомендательные списки литературы. Они включали авторов, пользовавшихся особыми симпатиями нацистских лидеров (например, Г. Альквена из эсэсовской газеты «Дас Шварце Корпс», Ф. Бюлера и В. Буха из аппарата НСДАП; нацистского историка К. Р. Ганцера). Книги, одо-

бренные данным министерством, достигали тиражей, которые исчислялись сотнями тысяч. Одним из первых результатов деятельности министерства стали так называемые справки к созданию «Черного списка», содержащие разъяснение принципов «очищения» книжных магазинов. В соответствии с этими принципами книги делились на три группы. К первой группе относились книги, подлежащие безоговорочному уничтожению, например, книги Э.-М. Ремарка. В состав второй группы входили книги, предназначенные для хранения в «ядовитых шкафах», например, труды В. И. Ленина. Третью группу образовали книги, содержание которых оценивалось неоднозначно и нуждалось в дополнительной проверке. Наряду с официальным «Черным списком» существовал список «Союза борьбы за немецкую культуру», дополнявший (незначительно) список, составленный доктором В. Германом.

Одновременно с созданием системы тотального контроля над содержанием библиотечных фондов и разработкой способов «фильтрации», оценки содержания книг по принципу «свои» и «чужие», «полезные» и «вредные», в нацистской Германии разрабатывалась система контроля над книгоизданием. В основу этой системы был положен ряд запретительных актов. Закон имперского президента от 28 ноября 1933 г. о защите народа и государства давал права тайной полиции на контроль за полиграфической деятельностью. В 1934 г. в Германии было запрещено к изданию около 4 тыс. 100 названий книг. Таким образом, государственная политика национал-социалистов в области культуры характеризуется разработкой системы тотального контроля и жестких запретительных мер в области библиотечного дела и книгоиздания, имевших следствием массовые чистки библиотек, изъятие и уничтожение книг, которые по своему содержанию не соответствовали идеям национал-социализма [4]. Качество влияния на массовое сознание во многом зависело от используемых языковых оборотов. Немецкие филологи отделяли классический язык от нацистского. С помощью приставок и окончаний немецкие лозунги способствовали трансформации мышления. Многие книги отличались большим количеством повторов основных идеологических мыслей, при этом литературные нормы соблюдались в меньшей степени. «Нацизм въедался в плоть и кровь масс через отдельные словечки, обороты речи, конструкции предложений, вдалбливаемые в толпу миллионными повто-

рениями и поглощаемые ею механически и бессознательно. Принято истолковывать дистих Шиллера об «образованном языке, что сочиняет и мыслит за тебя» – чисто эстетически и, так сказать, безобидно. Удачный стих, написанный «образованным языком», еще не доказывает поэтического таланта его автора; довольно легко создать себе ореол поэта или мыслителя, пользуясь культивированным языком» [5].

Безусловно, цель применения определенных норм языка заключалась в пропаганде идеологии, в создании условий для наиболее эффективного восприятия немецким народом зачастую противоречащих друг другу политических событий. Сегодня большинство нацистских книг запрещено законодательством ряда стран, в том числе в России. Язык книг Третьего рейха способен пробудить в читателе нетерпимые чувства. Принуждая писать специфическими конструкциями, Геббельс внедрил в сферу политического PR эффективный механизм – готовность действовать так, как угодно власти. Остается риторическим вопрос, уместен ли нацистский прием при осуществлении политической воли деятелей или в рамках предвыборных кампаний? Ответ можно получить, исходя из ныне действующей практики ряда политических деятелей, в частности, в США, Великобритании, Франции. Используя активные приемы Геббельса, можно призывать к различным действиям, достигая как более мирный результат на благо и процветание отдельного народа, так и во вред ему.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Курт Рисе*. Геббельс адвокат дьявола. М., 2000.
2. *Назарец Е., Ю. Векслер* Германия отметила 75-ю годовщину последнего в ее истории сожжения книг // Радио Свобода: радиопередача. 13 мая 2008.
3. *Геббельс Йозеф* // <http://www.prop.boom.ru/Goebbels.htm>
4. *Мазурицкий А.М.* Сожжение книг. Журнал «Библиотечное дело». №14 (104). 2009.
5. *Клемперер В.* ЛТИ: Язык Третьего Рейха: Записки филолога. М., 1998.